
В мире Рубцова

Александр ГРЯЗЕВ

«...НЕ БОЛЬШЕ ЧЕМ ЗНАКОМ»...

Перечитывая недавно стихи Николая Рубцова, удивительное я сделал для себя открытие: чем дальше мы уходим от времени, в котором жил поэт, тем ближе нам его поэзия, да и он сам...

С Николаем Рубцовым, говоря его же стихотворной строчкой, я был «не больше чем знаком». Но две встречи с ним, которые подарила мне судьба, остались в памяти, хотя с тех майских дней 1969 года прошло уже больше тридцати лет.

Той весной я приехал в Москву на очередную сессию в историко-архивный институт, где учился заочно и в один из дней случайно встретил череповецких ребят — Эмиля Смирнова и Мишу Ганичева, с которыми был немного знаком по городскому литературному объединению. Оказалось, что они тоже приехали на заочную сессию в Литературный институт. Прощаясь, ребята пригласили меня навесить их в институтском общежитии.

И вот, выбрав один из дней между экзаменами, я приехал к ним на улицу Добролюбова.

Помню, что весь день мы провели в разговорах, а ближе к вечеру пошли в соседнюю столовую попить пивка.

В столовском зале Эмиль с Мишей сразу увидели знакомую компанию — своих ребят — студентов, сидевших за столиком у самого окна, о чем-то спорящих и тоже пьющих пиво.

— Там Коля Рубцов, — сказал Миша. — Пойдем к ним.

Мы подошли к ребятам и прервали на время их громкий разговор. Миша Ганичев представил меня Рубцову как земляка из Череповца, и мы познакомились. Николай подвинулся и пригласил присесть рядом. Слева от него сидел, как мне запомнилось, поэт Володя Липатов и по всему было видно, единомышленник Рубцова.

Напротив них пили пиво два или три студента-заочника и, как оказалось, противники Николая в сегодняшнем литературном споре, который тотчас же возобновился. Мне запомнился и почему-то не по имени,

а по фамилии только один из них — Шевченко. Он яростнее всех, как мне показалось, напал на Рубцова из-за каких-то стихов.

Книги Николая Рубцова у меня дома были, стихи я его читал, но наизусть, естественно, не знал ни одного и все время думал, что Николай может спросить меня о своих стихах, но он лишь вяло отбивался от слов и суждений спорящих с ним однокашников. Горячился только его товарищ Володя Липатов, а потом и Миша Ганичев с Эмилом стали помогать ему в этом споре.

Рубцов же больше молчал, склонив голову, и выглядел каким-то совершенно беззащитным человеком. Мне стало даже его жаль и я, впервые оказавшись в кругу поэтов, чувствовал себя из-за этого как-то неуютно. В то время я был далек от поэзии, судить о стихах не мог, но видел, что Рубцов был прав в этой словесной перепалке.

Но как пиво в наших кружках, закончился скоро и разговор. Мы вышли из столовой и на улице попрощались с Николаем...

Ночевал я в общежитии Литинститута. В тот вечер, помнится, было еще много разговоров, и мы легли спать поздней ночью. Утром же пошли в ту самую столовую завтракать.

Вечерняя компания поэтов, но без Рубцова, уже заседала там за одним из столов в глубине зала. Они все так же шумно спорили, как и вчера. Но мы к ним подходить не стали, а выбрали столик недалеко от двери.

Миша Ганичев первым увидел входившего в столовую Рубцова и громко сказал нам:

— А вот и Коля пришел!

Я обернулся. Николай Рубцов стоял в дверях и оглядывал зал. Заметно, что он был не такой грустный как вчера да и одет по-другому: выглаженный темный костюм, белая рубашка и темный узкий галстук. Так одеваются только по торжественным дням.

Николай подошел к нашему столу и поздоровался с каждым из нас. Мы же пригласили его за стол, но Коля отрицательно замотал головой, и, наклонившись к нам, сказал:

-- Нет, земляки, извините, не могу. Вон, видите, там за столом сидят вчерашние ребята?

Мы закивали головами.

— Так вот, — продолжал Рубцов. — Я сейчас пойду туда и покажу им, что такое настоящий русский поэт!

И Коля решительно направился к шумному столу поэтов.

Больше я Николая никогда не видел... Только на фотографиях. На одной из них он снят вместе со всеми своими однокурсниками в день окончания Литературного института. Николай Рубцов стоит вторым справа в том самом торжественном костюме. Та фотография и напомнила мне мою встречу с ним в теплые майские дни шестьдесят девятого года теперь уже прошлого века.

г. Вологда, январь 2002 г.